

Блуменау С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

КУРС ФРАНЦУЗСКИХ ВЛАСТЕЙ НА УМИРОТВОРЕНИЕ ГАРНИЗОНА НАНСИ И ЕГО НЕУДАЧА: АВГУСТ 1790Г.

Одним из основных завоеваний Французской революции стало установление гражданского равенства. Но исключением из общего правила оставалась армия. Здесь фактически сохранились сословные перегородки, отделявшие рядовых и унтер-офицеров, происходивших из простолюдинов, от дворянского офицерского корпуса. Исходные противоречия преломлялись в множестве отдельных конфликтов. Один из наиболее острых—развернулся вследствие задолженности перед военнослужащими, которые отчисляли из жалованья средства на армейские нужды. Рядовой состав обвинял офицеров, что те растрачивали деньги, скопившиеся в полковых кассах, на развлечения. Недовольство в воинских частях побудило Собрание принять закон, касавшийся порядка возвращения долгов, но в ряде мест, прежде всего, в Нанси солдатские массы действовали самостоятельно, попирая общественное спокойствие. Ответом стал репрессивный декрет от 16 августа, предусматривавший карательные меры за участие в выступлениях. Отрезвленные этим солдаты принесли письменное раскаяние и выказали готовность договориться. Но враждебность большинства командиров к революции и их возросшая эмиграция породили слухи о предательстве, а затем и миф о намерении генералов продать гарнизон Нанси предполагаемым противникам Франции. Это вкупе со вздорным характером инспектора Мальсеня и несговорчивостью солдат Шатовье привело к провалу политики умиротворения.

Ключевые слова: Французская революция, Учредительное собрание, сословия, гражданское равенство, солдаты, офицеры, гарнизон Нанси, швейцарский полк Шатовье, генерал-инспектор

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-07-16

Введение. Еще в начале Французской революции в стране установилось гражданское равенство. Оно не только провозглашалось революционным законодательством, но и сделалось реальным достоянием большинства населения. Армия же оставалась реликтом прошлого. Офицерский корпус, особенно в пехоте и кавалерии, состоял почти исключительно из дворян, тогда как солдаты и унтер-офицеры были плебейского происхождения, несмотря на выслугу лет и личные способности, не имели доступа к званиям младших офицеров на протяжении практически всего периода работы Учредительного собрания.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является народное движение эпохи Французской революции. Его методологическая основа состоит в следовании принципам историзма, объективности и научности. Автором

использованы специальные исторические методы: историко-системный, историко-генетический и историко-сравнительный. В статье применялся историко-антропологический подход. Все это в совокупности позволило провести комплексное изучение поставленной проблемы.

Результаты и их обсуждение. Отношения между рядовым составом и командирами стремительно ухудшались. Солдаты все меньше считались с субординацией и дисциплиной, а офицеры, в большинстве враждебные революции, грубо обходились с нижними чинами и провоцировали конфликты между ними и Национальной гвардией, организация которой не основывалась на сословных привилегиях. Командный состав злоупотреблял выдачей «волчьих билетов», то есть позорного увольнения со службы. Острые противоречия возникли между военным руководством и солдатами из-за

задолженности перед последними. Государству Старого порядка не удавалось в полной мере обеспечить солдат бельем, одеждой, обувью и недостаток покрывался благодаря вычетах из их жалованья. Резервный фонд, в котором за многие годы скопились значительные средства, сосредоточился в полковых кассах. Солдаты обвиняли офицеров, что те черпали оттуда немалые деньги на развлечения и схожие траты.

В ряде гарнизонов они потребовали немедленно рассчитаться с долгами. Для того, чтобы уменьшить напряженность в армии, парламент пошел навстречу военнослужащим и принял соответствующий декрет от 6 августа. Документ настаивал на соблюдении правовых норм при выдаче «волчьих билетов». По его третьей статье король назначал чрезвычайных инспекторов в звании генералов, отправлявшихся на места для проверки полковых счетов в присутствии офицеров, унтер-офицеров, а также солдат. От каждой роты делегировался рядовой, умевший читать и писать [4, p.642].

Ознакомившись с декретом, солдаты восприняли его как сигнал к самостоятельным действиям. В Нанси первым заявил о своих требованиях Королевский пехотный полк (4 тыс. солдат). Задержав офицеров, он выпустил их с обязательством принести деньги утром следующего дня. Взятые под залог у купцов и буржуа деньги - 150 тыс. ливров, были выплачены и тут же поделены поровну между нижними чинами. Позднее, арестовав своих офицеров на 15 часов, задолженность вернул небольшой кавалерийский полк Местр- де –Камп (500 человек). Солдаты настаивали на выплате около 48 тыс. ливров, по большей части в звонкой монете. В результате половина запрашиваемого им досталась в такой форме.

Драматически решалась проблема с долгом перед военнослужащими полка Шатовье (1400 солдат), подчинявшихся, как и другие швейцарские подразделения,

суровым внутренним правилам. Когда у двоих солдат нашли бумаги, касавшиеся вопроса о задолженности, то полковой военный совет приговорил их сначала к смерти, а затем, смягчившись, высказался за 10- кратный прогон сквозь строй из 100 человек, избивавших провинившихся плеткой- девятихвосткой. Двоих несчастных с позором изгнали из полка и посадили в тюрьму. Но сердобольные кавалеристы из Местр-де- Камп не только освободили швейцарцев из заключения, но и потребовали у командования Шатовье компенсацию в пользу этих людей по 6 луидоров (луидор равен 24 ливрам) на каждого за физическое насилие и по 100 луидоров за моральный ущерб, которая и была уплачена [9, p.34-35].

Что же касается задолженности перед всеми солдатами Шатовье, то сами они насчитали суммарно 229602 ливра. Такая впечатляющая цифра во многом проистекала из неплохого материального положения швейцарцев на службе у Франции. Их физические и боевые качества особенно ценились. Как отмечал представитель знаменитой семьи из кантона Цуг, поставлявшей наемников для монархии, генерал-лейтенант Б.Ф.А. Цурлобен в восьмитомном сочинении «Военная история швейцарцев на службе Франции», они имели не только привилегированный правовой статус, но и снабжались мясом, алкоголем и табаком по весьма высоким нормам, зафиксированным в двухсторонних договорах и французских регламентах [11, p.28-29]. Показательно, что, рассуждая о задолженности перед ними, швейцарские солдаты ссылались, в том числе, и на свои траты на спиртное во время двухмесячной командировки в Орлеан и Париж.

Начальство полка объявило солдатам, что не сможет рассчитаться немедленно. Оно согласилось выплатить им небольшой аванс в 27 тыс. ливров, обещая вернуть остальное только в сентябре. Таким образом, из трех полков гарнизона расчет не

получили только швейцарцы. Для урегулирования их денежных претензий в соответствии с декретом 6 августа исполнительная власть обещала направить в Нанси генерала-инспектора Мальсена, который прибудет туда через 2,5 недели.

В то же время королевские пехотинцы, возбужденные разговорами сочувствующей публики о том, что по справедливости им следовало выплатить еще по 500 ливров на каждого (*sic!*), захватили и унесли с собой полковую кассу. Швейцарцы, со своей стороны, в знак благодарности другим полкам гарнизона за поддержку устроили братский ужин, на котором присутствовали и национальные гвардейцы Нанси. Буйные празднования с неизменным участием проституток быстро превращались в оргии.

Случившееся переполнило чашу терпения городского муниципалитета. Его члены обратились с жалобами к Национальному собранию. Они ссылались на хищения и грабежи, утверждали, что речь идет о настоящем восстании, просили прислать в город двух комиссаров Ассамблеи. Ситуацией мгновенно воспользовался военный министр Латур, подчеркнувший, что дело не терпит отлагательств и надо принимать срочные меры. Результатом стал новый декрет от 16 августа, предполагавший создание военной силы для разбирательства с бунтовщиками [5, p.90].

В соответствии с этим документом действия солдат подпадали под новую тяжелую статью «преступление против Нации», что влекло за собой суровые наказания. Кара ожидала не только зачинщиков и руководителей выступления, но и рядовых участников. Декрет позволял генералу, назначенному королем для подавления беспорядков, разжаловать солдат и распускать непослушные воинские соединения. Даже такой меры было достаточно, чтобы изгнать бунтарей из армии с позором, не позволявшим найти место и в гражданской жизни. Одновременно

указывалось, что, принимавшие участие в волнениях, обязаны в течение 24 часов признать свои ошибки и раскаяться, причем, если так решит их начальство, сделать это в письменном виде. По истечении указанного времени они привлекались к суду как виновные в «преступлении против Нации» [5, p. 93].

Тем временем в Париже находилась депутация от самого крупного полка гарнизона Нанси - Королевского пехотного. Она состояла из 8 человек (по два представителя от унтер-офицеров, гренадеров, стрелков и фузилеров). Им предстояло передать свои требования как законодательной власти, то есть Конституанте, так и исполнительной, а именно военному министру графу Латуру дю Пэну [6]. Однако 17 августа их отвели в тюрьму Ла Форс. Но то была лишь неожиданная прелюдия к началу своеобразного переговорного процесса. На следующий день им позволили составить докладную записку, содержащую претензии и жалобы полка. Затем депутации устроили встречу с объединением из трех комитетов Учредительного собрания [8, p.2-3].

Дальше «чудеса» продолжились. Появился приказ короля, в соответствии с которым двое из делегатов полка должны были немедленно вернуться в Нанси, чтобы «успокоить умы» [8, p.3]. При этом предполагалось, что сопровождать солдат в Нанси будет капитан Парижской национальной гвардии Пешелош, который и устраивал их встречи в столице. Так и случилось: вместе с ним они выехали из Парижа 19-го, а уже 21 вечером оказались в Нанси.

Между тем ситуация в гарнизоне города менялась в лучшую сторону. Главной причиной стал вышеуказанный жесткий декрет Национального собрания. Он оказался в Нанси 19 августа и солдат сразу ознакомили с ним. На следующий день все три полка гарнизона представили письменное раскаяние [9, p.61-62]. Еще раньше они были напуганы

ложными слухами о том, что члены делегации королевских пехотинцев повешены в столице [8, р.3]. В результате увеличились шансы на замирение с властью. Предстоящее общение двух посланцев Парижа- Пешелоша и генерала- инспектора Мальсеня, находившегося в то время в Люневиле [10, р.182-183], близко от Нанси, с солдатами могло закрепить эту позитивную тенденцию.

В поведении первого смелость сочеталась с осторожностью: офицер отличался гибким умом и тактом, зарекомендовал себя неплохим переговорщиком. К его сообщениям с большим интересом относились видные деятели новой власти - депутаты Учредительного собрания, глава трех объединившихся комитетов Ассамблеи – герцог Брольи, военный министр [8, р.74-76,77]. С ним советовались местные военные и гражданские функционеры, в том числе, руководство муниципалитета Нанси и члены директории департамента Мерт. Одновременно он смог завоевать доверие обычно подозрительной солдатской массы.

По приезду вечером 21 августа Пешелош сразу же встретился с советом тамошней национальной гвардии, представители которого замолвили перед ним слово за воинские части Нанси. На следующий день, в воскресенье Королевский полк устроил в честь эмиссара дружеский ужин, затянувшийся далеко за полночь. Пешелоша особенно тронуло, что в знак раскаяния солдаты вернули захваченные ими 20 тыс. патронов, полковые регистры и другие бумаги [8, р.8]. Во время пребывания в городе он чаще всего взаимодействовал именно с данным воинским соединением.

Уровень взаимоотношений с двумя другими частями гарнизона был не столь тесным. В понедельник 23 августа Пешелоша посетили сначала представители кавалеристов Местр-де-Камп, а затем - швейцарцев. Но и с ними эмиссар проявил себя как умелый политик и тонкий

тактик. Сочувственно выслушав жалобы кавалеристов о том, что они выделяли на полковые нужды средства, превышавшие их возможности, приезжий обнадежил: подчинение декрету и хорошее поведение обязательно зачтутся. Разговаривая с солдатами Шатовье, столичный представитель анонсировал им приезд Мальсеня для проверки полковых счетов, а швейцарцы обещали ему соблюдать субординацию в отношениях с командирами. Показательно, что, когда командующий гарнизоном, генерал Дену собирался объявить приказ о перемещении воинской части в Сарлуи, то Пешелош попросил повременить с этим, пока не пройдут переговоры о денежных претензиях полка [8, р.10-11]. Скоро обнаружится проницательность и дальновидность парижанина.

Другим посланцем центральной власти стал генерал- майор Мальсень, служивший в Безансоне и командовавший карабинерами. Генералу – инспектору предстояло проверить полковые счета, определить правомерность солдатских требований и выставленных к оплате сумм. Но Мальсень меньше всего подходил для такой роли [9, р.63]. То был сухой и высокомерный человек, постоянно «наскакивавший» на оппонентов в ходе переговоров. Главными чертами его личности, сыгравшими впоследствии роковую роль, стали импульсивность, неустойчивость и, парадоксально, смелость, доходившая до крайности [2, с.237]. Он принимал первые, приходившие на ум решения, не размышляя над тем, как это скажется на его миссии. Но в оправдание Мальсеня следует сказать, что ему приходилось спасать свою жизнь, которой угрожали вполне реальные опасности.

Задачи, стоявшие перед инспектором, не были масштабными. Два полка разобрались со своими денежными претензиями самостоятельно. Финансовые проблемы предстояло разрешить со швейцарцами, выдвигавшими наибольшие требования. Забегая вперед, скажем, что

генерал не только не потушил тлеющий, казалось бы, костер, а разжег его с новой силой. Но дело было не в одном лишь Мальсене. Ведь глубинные противоречия между солдатами, принадлежащими к третьему сословию, и офицерами — дворянами никуда не исчезли, но даже усилились из-за эмиграции части командиров.

Помимо этого основного фактора свою роль сыграли особенности положения и ментальность швейцарских солдат на службе Франции. Они были наемниками и получали большее жалованье, чем французы. Заработанное могло помочь им в дальнейшем уже на родине, особенно, если посчастливилось встретить старость. Это служило известным оправданием избранного жизненного пути. Обстоятельства делали их более суровыми по сравнению с французами, отличавшимися определенной легкостью характера. Сама революция, с несомыми ею стремительными переменами, мало соответствовала их тяготению к предсказуемости и стабильности.

Утечка информации о переводе Шатовье в другое место заставляла солдат действовать быстрее, подталкивала к настойчивости и непреклонности. Они понимали, что передислокация воинской части может послужить поводом для того, чтобы «забыть» об их денежных претензиях, либо выполнить таковые в неполном объеме. Это делало швейцарский полк неудобным переговорщиком.

Собственно переговоры прибывшего в Нанси Мальсеня со швейцарцами начались скорее всего во вторник 24 августа в три часа дня [8, р.14]. Ознакомившись с представленными счетами, генерал указал на необходимость подкрепить их некоторыми материалами и даже отправить справку в Военный комитет Ассамблеи. На наш взгляд, это объяснялось не предубеждением инспектора против полка Шатовье, а отсутствием должной законодательной базы. В декрете от 6 августа скрупулезно перечислялось

представительство в комиссии от офицерского корпуса, унтер-офицеров, солдат, но механизм разрешения споров отсутствовал. Следовало также привлечь для его разработки депутатов, хорошо разбиравшихся в финансовых вопросах.

25 августа швейцарские солдаты зримо обнаружили острое нетерпение. Оно объяснялось просочившимися, но точными сведениями о срочном переводе полка в другой гарнизон. Возникло не только состояние неопределенности, но и усиливались опасения, что при миллиардных долгах государства, да еще в состоянии развивавшейся революции, до возвращения задолженности перед Шатовье дело может не дойти. Отсюда — категоричное требование солдат, обращенное к Мальсеню: «Решайте немедленно» [9, р.67; 2, с.237].

Позиции сторон обозначились. Между тем уставший и проголодавшийся инспектор заторопился на обед к коменданту гарнизона Дену. Каково же было его возмущение, когда четыре гренадера перекрыли ему путь. Взбешенный генерал пошел напролом. Он стал отводить штыки их ружей шпагой, сломав ее при этом. Тогда, позаимствовав холодное оружие у командира местных жандармов, Мальсень продолжил «прокладывать» себе дорогу через строй солдат. Он продвигался быстро, но размеренно, сохраняя достоинство. Наконец, генерал миновал ворота, добрался до дома Дену, где и укрылся [9, р.66-67; 2, с.237].

Произошедшие неординарные события моментально обросли слухами и домыслами. Кое-кто поторопился сообщить об убийстве генерала, а в казармах Королевского полка обсуждали версию его пленения солдатами Шатовье. Среди королевских пехотинцев находились в то время Пешелош и полковник Гуверне-сын военного министра Латура. Первый не только призвал солдат идти на выручку Мальсеню, но и сам встал в их строй. Гуверне присоединился к нему. Солдаты Королевского полка построились в две колонны и

направились «отбивать» генерала- инспектора. Но по дороге им повстречались сослуживцы, объявившие, что все проблемы с Шатовье урегулированы. После такого сообщения командир развернул обе колонны обратно [8, р.23-24].

Пешелоша и Гуверне это не удовлетворило, они двинулись дальше и вскоре убедились, что Мальсень уже находится в доме у Дену. Внутри помещения находилось трое солдат, готовых защитить инспектора, а снаружи бушевала толпа разозленных швейцарцев. Один из этой среды, стоя на ступенях лестницы, выкрикивал угрозы в адрес Мальсеня, другой, спустившись вниз, призывал к оружию.

Гуверне напомнил швейцарским солдатам о декрете Ассамблеи от 16 августа и предупредил, что их признают виновными, если они не подчинятся. Генерал Дену заметил, что Шатовье подвергает общественное спокойствие опасности вместо того, чтобы его поддержать. Хитроумный и политичный Пешелош решил поугагать швейцарцев их изоляцией: «Сегодня вы мятежники по закону; Королевский полк и Местр- де – Камп – послушны; у вас нет больше товарищей, они—друзья порядка» [8, р.28; 5, р.470]. Ту же линию на раскол ненадежного гарнизона проводил и сам Мальсень. Он объявил военнослужащим Шатовье, что вновь встретится с ними утром следующего дня, а после ухода швейцарцев принял своеобразный «парад» оставшихся частей - национальной гвардии, королевского и кавалерийского полков [8, р.29). То была попытка отделить мятежников, к тому же иностранных наемников, от французских солдат. Ближайшее будущее покажет, что эти маневры не удалась.

26-го переговоры инспектора с непослушным полком продолжились. Последний представляли 18 военнослужащих, по двое от каждой из девяти рот. Мальсень посоветовал солдатам представить свой счет муниципалитету города [8, р.30]. Это были одновременно и отчаянная

попытка добиться умиротворения, и стремление переложить ответственность на местную власть. Шатовье пытались также увещевать командующий национальной гвардии и глава жандармов, но все оказалось тщетным. Посланцы полка твердили: «Мы не французы, мы- швейцарцы. Нам нужны деньги» [5, р.471]. Солдаты Шатовье склонялись чуть ли не к шантажу, заявляя, что уйдут из Франции с оружием и багажом. Но один из руководителей муниципалитета подчеркнул, что оружие принадлежит королю и государству [8, р. 31].

Попытки договориться были исчерпаны в этот день. Генерал- инспектор и муниципальные чиновники отказали швейцарцам в их миссии по охране города. Мальсень объявил офицерам Шатовье, что имеет приказ отправить полк в гарнизон Сарлуи. Завтра утром воинская часть должна уже находиться там [8, р.34]. Солдаты решительно отказывались передислоцироваться. В ответ генерал составил нотариальный протест по всей форме [2, с.238]. Чтобы власти не столкнулись с недовольством трактирщиков, которым задолжали солдаты, Мальсень добился у муниципалитета публикации объявления, что тот берет долги швейцарцев на себя [8, р. 34-35].

Конфликт между государством и полком Шатовье обострялся. К репрессиям и военным акциям в Нанси готовились центральные власти и их назначенцы. Свидетельство тому - действия находившегося в столице Лотарингии адъютанта командующего Парижской национальной гвардии Демота. Он направил письма- обращения Лафайета в дистрикты департаментов Мерт и Мез. В них подчеркивалось, что «полки (гарнизона Нанси- С.Б.) похоже вернулись к своим заблуждениям». Предлагаемые меры напрямую увязывались с поведением солдат Шатовье: если они откажутся прибыть в Сарлуи, то надо «развертывать силы», что облегчит выполнение декрета

Ассамблеи от 16 августа. «Национальная гвардия уже много сделала для восстановления порядка, но нужны новые усилия». Для отправки в город приглашались и волонтеры [7, р. 70-71].

Утром 27-го пришел приказ от находившегося близко- в Меце -и назначенного королем командиром сил для подавления беспорядков генерала маркиза Буйе. Согласно ему, следовало собрать со всех городов и местечек департамента Мерт национальных гвардейцев в помощь Мальсеню и для «приведения к послушанию» полка Шатовье. Эта задача стояла перед директорией данного департамента, которая, со своей стороны, предлагала принять участие в «деле» добровольцам. Им обещалась плата- 24 су в день: неплохая «приманка» для малоимущих [9, р.73].

Параллельно предпринимались судорожные попытки отдельных лиц и органов мирно договориться со швейцарцами. Пешелош и другие известные персоны предлагали себя заложниками полку Шатовье до тех пор, пока ему не выплатят всю задолженность. Солдат заверяли, что, если они отправятся в Сарлуи, то деньги им вернут, причем банкиры сделают это еще до соответствующего заключения Военного комитета Учредительного собрания, которому принадлежало решающее слово [8, р.40-42]. Ничего не помогло. Швейцарцы вновь объявили об отказе выйти из Нанси.

Их непреклонность оставалась «головной болью» властей и военного командования. Но можно ли было рассчитывать на лояльность других воинских подразделений Нанси, да и населения в вызревавших конфликтах? Небольшой кавалерийский полк тяготел к дружбе с Шатовье. Представители Местр- де –Камп, как уже отмечалось, не бросили в беде двух швейцарцев, подвергшихся экзекуции. На поведение кавалеристов повлияла также известная неудовлетворенность в связи с выплатой задолженности. Им возвратили

только половину истребованной суммы. Они продолжают поддерживать швейцарский полк.

Гамма настроений в Королевском полку была более пестрой и изменчивой. Королевские пехотинцы и сами не отличались сплоченностью. То было объединение разных категорий солдат- гренадеров, фюзилеров, стрелков, порой вступавших в противодействие между собой. Что уж говорить об их отношениях с полком Шатовье?! Отчасти они поддавались агитации парижских эмиссаров. Отсюда—заявления о нежелании погибать за других [8, р.30]. Но подобные речи сочетались с опасениями, что, выдворив Шатовье в Сарлуи, власти возьмутся и за них [8, р.37]. Поведение королевских пехотинцев являло собой широкую амплитуду колебаний от дерзости и бравады до видимого послушания командирам и реального страха перед репрессиями на основе декрета 16 августа. Но при всей двойственности подобной позиции на первый план выходили основные противоречия, отделявшие солдат от дворянского офицерского корпуса. Рядовой и унтер- офицерский состав плебейского происхождения был, в первую очередь, угнетен сохранением в армии сословных перегородок, уже уничтоженных в гражданском обществе.

В поддержку полка Шатовье все активней вовлекались и другие военные и гражданские силы. Национальная гвардия Нанси сочувствовала стремлениям солдат линейных войск добиться расширения прав и улучшить свое социальное бытие. Показательно, что упоминавшихся двух швейцарцев приняли на службу в национальную гвардию. Гвардейцы нередко братались с солдатами линейных войск, несмотря на то, что офицеры тех частей старались расстроить складывавшиеся дружеские связи [9, р.25,76].

Между тем, ситуация осложнилась в связи с призывами Лафайета и распоряжением Буйе о направлении в Нанси национальных гвардейцев департамента

Мерт и соседнего - Мез. Уже в середине дня 27 августа несколько тысяч людей из соседних городков прибыли на место. Вооружены они были плохо: немногие владели ружьями, часть носила сабли, а другие имели только палки. Местные власти оказались неготовыми к наплыву гвардейцев и испытывали большие трудности с их обустройством. Муниципалитет и директория департамента не достигли должного взаимодействия и сваливали ответственность друг на друга.

При этом национальная гвардия Нанси ревностно оберегала свои полномочия [9, p.77]. Ее полк негативно относился к национальным гвардейцам из сопредельных районов, посланных с целью добиться послушания войск гарнизона. Подобное видение разделял и городской плебс. «Недоверие (к Парижу- С.Б.) распространилось среди низших классов». Они считали солдат своего города не бунтовщиками, а народными защитниками. В целом, имело место известное единение гарнизона, национальной гвардии Нанси и значительной части его населения по отношению к центральной власти и военному командованию страны.

Уже в короткий период с 24 по 27 августа, когда шел переговорный процесс между Мальсенем и представителями Шатовье, выявились как неудача в умиротворении швейцарцев, так и провал попыток изолировать от них другие воинские подразделения города и значительную часть жителей Нанси.

Заключение (выводы). Глубинной причиной, объединившей недовольных, явилось фактическое сохранение в армии сословных порядков, против чего выступали и союзники солдат из числа жителей Нанси, лишь недавно обретшие равенство в правах. В линейных войсках сословные преимущества продержались, по меньшей мере, до 28 сентября 1791г., когда Конституанта приняла декрет, допускавший к занятию младших офицерских должностей унтер- офицеров, выслуживших наибольший

срок, либо молодых людей недворянского происхождения, сдавших специальный и сложный экзамен [3, с.95-96]. В действительности же равенство в правах в армии наступило еще позднее, в ходе войны с антифранцузской коалицией, хотя еще 19 июня 1790г. само наследственное дворянство и дворянские титулы отменялись.

Начавшаяся революция и постоянно растущая эмиграция, в том числе, офицеров-дворян и генералов, порой, сопрягалась в головах людей с фактами усилившегося неприятия новой Франции абсолютистскими и полуабсолютистскими монархиями Европы. На этой почве рождались мысли о предательской деятельности командиров в пользу сопредельных государств. Солдаты и жители Нанси увязывали предполагаемую измену французского командования преимущественно с контактами с Габсбургами. В эти общие и абстрактные представления такая брутальная и вызывающая личность, как Мальсен [1, с.169], добавила конкретики. Его усилия по отправке Шатовье из Нанси вместе с жесткими приказами Буйе способствовали развитию мифа о продаже солдат гарнизона австрийцам [9, с.76]. Называли даже суммы, которые инспектор получит: за Шатовье - 3 млн., а за французские полки- 6 млн. А авантюрное поведение генерала 28-29 августа с бегством из Нанси и кровопролитным столкновением его охраны с солдатами гарнизона стало своеобразным «доказательством» вышеуказанного мифа.

По сути, восстание в Нанси, в котором определенную иницилирующую роль сыграли филиал Якобинского клуба и солдатские комитеты, сделалось предтечей демократически-патриотической линии в революции, что развилась позднее, в ходе борьбы с антифранцузской коалицией вовне страны, а с либеральными реформаторами – внутри ее. С этой линией будет уже связан переход к иной, радикальной фазе революции.

Список литературы

1. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции. Т.1. Книга вторая. М.: Прогресс, 1977. 407с.
2. Карлейль Т. История Французской революции. М.: Мысль, 1991. 575 с.
3. Французская буржуазная революция 1789-1794. М.: Изд-во АН СССР, 1941. 850с.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.17. P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 813 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.18. P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 804p.
6. Chilly L. Le premier ministre constitutionnelle de la guerre. La Tour du Pin. P.: Perrin, 1909. 408p.
7. Lettre de M. Desmottes, Aide –de-Camp de M. la Fayette, aux Gardes Nationales des Departements de la Moselle et de la Meurthe p. 70-71 // In: Lettre de M. Louvain- Pescheloche, endatte du 18 octobre 1790: en réponce à celle de M. Silléri. P. : Boulard, 1790. 78p.
8. Lettre de M. Louvain- Pescheloche, endatte du 18 octobre 1790: en réponce à celle de M. Silléri. P. : Boulard., 1790. 78p.
9. Maire X. Histoire de l'affaire de Nancy. Épisode de la Révolution. 1790. Nancy.: Maubon, 1861. 220 p.
10. Memoires du Marquis de Bouillé. P.: Firmin- Didot, 1859. 456 p.
11. Le Baron de Zurloben B. F.A. Histoire militaire des Suisses aux service de la France, avec les pièces justificatives. T.4. P.: M.DCC.LI, 1751. 635p.

THE COURSE OF ACTION OF THE FRENCH GOVERNMENT TO APPEASE THE NANCY GARRISON AND ITS FAILURE: AUGUST 1790

One of the main achievements of the French Revolution was the establishment of civil equity. However, the army remained an exception to the rule. In fact here estate barriers persisted, separating privates and non-commissioned officers, commoners by origin, from the noble officer corps. The original contradictions were refracted in many particular conflicts. One of the most acute ones was a result of debts to the military personnel, who deducted funds from their salaries for the army needs. The rank and file accused the officers of squandering the money accumulated in the regimental treasuries on entertainment. Discontent in the regiments prompted the Assembly to pass a law on the procedure for the repayment of the debts, but in a number of places, especially in Nancy, the soldier masses acted on their own, disturbing public peace. The response was a repressive decree of August 16, which contained provisions for punitive measures for unrest participants. The soldiers, sobered by this, presented written repentance and demonstrated willingness to negotiate. Never the less, the hostility of the majority of the commanders to the revolution and their increasing emigration fueled the rumors of betray a land the consecutive myth of the generals' intention to sell the garrison of Nancy to France's potential enemies. Coupled with the contentious temper of inspector Malseigne and the intractability of Chateaufieux's soldiers, this led to the failure of the appeasement policy.

Keywords: French Revolution, Constituent Assembly, estates, civil equity, soldiers, officers, Nancy garrison, Swiss regiment of Chateaufieux, inspector general

References

1. Jaures J. (1977) Socialist History of the French Revolution. Vol. 1. Book 2. Moscow: Progress, 1977. 407 p.
2. Carlyle Th. (1991) History of the French Revolution. M.: Mysl, 1991. 575 p.
3. French bourgeois revolution 1789-1794. (1941) M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. 850 p.
4. Archives parlementaires de 1787 à 1860. (1884) Première série. T.17. (1884) P.: Mavidal M.J., Laurent M.E., 1884. 813 p.
5. Archives parlementaires de 1787 à 1860. Première série. T.18. (1884) P.: Mavidal

M.J., Laurent M.E., 1884. 804p.

6. Chilly L. (1909) *Le premier ministre constitutionnelle de la guerre*. La Tour du Pin. P.: Perrin, 1909. 408p.

7. Lettre de M. Desmottes, Aide –de-Camp de M. la Fayette, aux Gardes Nationales des Departements de la Moselle et de la Meurthe p. 70-71 (1790) // In: Lettre de M. Louvain-Pescheloché, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. P. : Boulard, 1790. 78p.

8. Lettre de M. Louvain- Pescheloché, endatée du 18 octobre 1790: en réponse à celle de M. Silléri. (1790) P. : Boulard., 1790. 78p.

9. Maire X. (1861) *Histoire de l'affaire de Nancy. Épisode de la Révolution. 1790*. Nancy.: Maubon, 1861. 220 p.

10. *Memoires du Marquis de Bouillé*. (1859) P.: Firmin- Didot, 1859. 456 p.

11. *Le Baron de Zurloben B. F.A. (1751) Histoire militaire des Suisses aux service de la France, avec les pièces justificatives*. T.4. P.: M.DCC.LI, 1751. 635p.

Об авторе

Блуменау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия). E-mail: blumenausf@mail.ru

Blumenau Semen Fedorovich - Doctor of History, professor at the chair of world history and international relations, Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky (Russia). E-mail: blumenausf@mail.ru